

УДК 34(091)

ББК 67.3

DOI 10.22394/1682-2358-2024-3-44-55

T.V. Shatkovskaya, Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Theory and History of Law and State Department, South-Russian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Professor of the Civil Law Department of the Rostov State Economics University

E.Yu. Klevetova, Lecturer of the Theory and History of Law and State, South-Russian Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

HISTORICAL FORMS OF RUSSIAN CODIFICATION TECHNIQUE (By the Example of the Code of Laws of the Russian Empire)

Gaps in the study of Russian codification technique are considered. It is determined that the analysis of historical forms of the Russian codification technique confirms the existence of a stable connection between the rule-making activity of the state and the need for codification and gives answers to the actual questions of codifiers of the XXI century.

Key words and word-combinations: codification, Code of Laws of the Russian Empire, codification technique.

Т.В. Шатковская, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Южно-Российского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; профессор кафедры гражданского права Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (email: shatkovskaya.tv@gmail.com)

Е.Ю. Клеветова, преподаватель кафедры теории и истории права и государства Южно-Российского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (email: evgenia1996.96@mail.ru)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ТЕХНИКИ РОССИЙСКОЙ КОДИФИКАЦИИ (на примере Свода законов Российской империи)

Аннотация. Рассматриваются пробелы в изучении техники российской кодификации. Анализ исторических форм техники российской кодификации подтверждает наличие устойчивой взаимосвязи между нормотворческой активностью государства и потребностью в кодификации и дает ответы на актуальные вопросы кодификаторов XXI в.

Ключевые слова и словосочетания: кодификация, Свод законов Российской империи, техника кодификации.

Всплеск интереса к кодификации во всем мире связан с возрастани-

ем правотворческой активности государств. Сегодня в кодификацию вовлечены не только законодательные, но и исполнительные органы власти. Такая ситуация вполне закономерна. Количество подзаконных актов многократно превосходит численность законов, поэтому требуется их упорядочение, в том числе муниципальных актов. По данным Министерства юстиции РФ, в современной России действуют свыше 12 500 тыс. нормативных правовых актов муниципальных образований [1].

Успех кодификации во многом зависит от конструктивности научных подходов к ее понятию и технике. Понимание кодификации как разновидности законодательной деятельности, сложившееся во времена И. Бентама и ставшее традиционным в России благодаря значимым в этой сфере трудам Г.Ф. Шершеневича [2, с. 368], привело к ряду противоречий и заблуждений. Такое понимание не только ограничивает кодификацию законодательной сферой, смешивая ее с законотворчеством и препятствуя распространению метода кодификации в сферах подзаконного регулирования, но и замедляет развитие техники кодификации и иных способов упорядочения нормативного массива. Подобный подход к кодификации затрудняет решение задач и современного правового строительства в России, осуществляемого Правительством РФ и иными органами исполнительной власти. К примеру, необходимым условием повышения эффективности исполнения бюджета Правительство РФ определяет завершение работ по нормативно-правовому определению «элементов системы бюджетного планирования и их взаимосвязки» [3].

В 1997 г. Правительство РФ поручило Минюсту РФ разработать правила кодификации нормативно-правовых актов федеральных органов исполнительной власти [4]. Нерешенность этого вопроса до настоящего времени отчасти объясняется пробелами в научном изучении техники кодификации. Особенности кодификации по-прежнему считаются созданием из нескольких одного сводного закона, внесение существенных изменений и содержательную переработку законов с целью их укрупнения [5, с. 7, 8]. Различие между кодификацией (содержательной системной переработкой) и инкорпорацией (внешним упорядочением) в основном связывается с наличием или отсутствием содержательных изменений в ходе упорядочения массива нормативных актов. На ошибочность такого понимания еще в конце XIX в. указывал Н.М. Коркунов, объясняя его неверным заимствованием понятия «инкорпорация» из западной юриспруденции [6, с. 3]. Советские правоведы, участвовавшие в кодификации законодательства (например, И.С. Самощенко, А.Ф. Шибанов, Л.С. Явич), обосновали невозможность исключения содержательных правок в отдельных случаях инкорпорации.

Кодификация как правовое понятие и технология обеспечения целостности, единства и определенности права не подвергалась научно-критическому переосмыслению со времен Второй кодификации советского права. Для восполнения этого пробела считаем актуальной научной задачей выявление технических особенностей проведения кодификации в России на основе изучения исторического опыта. Историко-правовое исследование лишено недостатка абстрактности теоретических построений. Оно основывается на изучении разнообразных и одновременных исторических источников, включающих как результаты сознательного творчества кодификаторов, так и объективные проявления правового развития.

В ходе исторического развития российского законодательства его кодификация претерпела трансформацию от стихийно-эмпирического коллективного творчества до рациональной целенаправленной социально-технической деятельности, обеспечивающей целостность правовой системы и осуществление рационального плана преобразования нормативного материала на общих правовых началах с целью установления единообразия, упорядочения, актуализации и совершенствования.

Споры о природе Свода законов Российской империи, которые ведутся без малого два столетия, стали источником противоречий в научных подходах к технике кодификации. Наибольший научный интерес при изучении национального опыта кодификации в Своде законов Российской империи представляла природа и полнота материалов Свода законов, а не техника его составления [7, с. 8].

Юристы по-разному определяли природу Свода законов — как инкорпорацию, среднее между инкорпорацией и кодификацией [8, с. 233] и даже как консолидацию [9, с. 49]. Е.Н. Трубецкой признавал Свод законов инкорпорацией, так как он не вводил в законодательный материал ничего нового, что раньше не имело силы закона [10, с. 456]. Аналогичное мнение встречаем у Д.А. Керимова: высочайшее предписание составителям Свода не менять существа российских законов он считал достаточным основанием для его признания инкорпорацией [11, с. 36, 37]. Вместе с этим ученый отмечал необходимость включения новых норм в инкорпорированный массив законодательства.

Е.А. Нефедьев утверждал, что распоряжение императора Николая I о ходе кодификационных работ основывалось на содержании записки, подготовленной М.М. Сперанским, который в 1826 г. находился под влиянием исторической школы права. Неудачные попытки «изобрести уложение» привели его к мысли о том, что кодексы слагаются из прежних законов, дополненных и исправленных в соответствии с актуальными потребностями государства [12, с. 9]. Отсутствие хронологического и систематического свода законов препятствовало составлению уложений, которые должны были стать венцом кодификации.

Достаточно спорно также относить Свод законов к системе инкорпорации в силу того, что он представлял собой сборник актов, а не единый кодекс [13, с. 126]. Любой результат кодификации является сам по себе кодифицированным актом. В российской юридической науке отсутствует согласие по вопросу классификации, конструкции и определения понятия «кодекс». К примеру, в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона правовым кодексом называется «систематический сборник законов, относящийся к отделу или целой совокупности отделов права, изданный законодательной властью» [14; 13, с. 535].

Отметим, что еще М.М. Сперанский указывал на ложное значение свода как собрания законов по порядку времени без различия их действия или отмены. Он утверждал, что коренной смысл слова «свод» означает «Сводное уложение», поэтому Свод законов представлял собой, по мнению его разработчика, «уложение известной части законов, приведенных в простой и удобный порядок, с отменой всего недействующего, и с соглашением противоречий» [15, с. XVI]. Отличие свода от других уложений М.М. Сперанский усматривал именно в том, что в нем излагались законы существующие, без исправления, дополнения и совершенствования.

Техника кодификации в современной российской научной и учебной литературе рассматривается в качестве идентичной технике подготовки нового нормативного правового акта [16, с. 626], с чем сложно согласиться. Техника кодификации как самостоятельный объект исследования более ста лет является предметом изучения специалистов. Убедительность аргументов Р. Кабрияка и множество приведенных им высказываний известных европейских юристов по поводу значимости кодификации (техники кодификации) считаем достаточным подтверждением значимости ее методологического осмысления [17, с. 282–287].

Смешение кодификации и законотворчества препятствует выработке необходимого для кодификации юридического глоссария и инструментария. В результате понятия, широко используемые в европейской юридической науке, к примеру «рекодификация», «перманентная кодификация», не включены в российский правовой дискурс.

Отличия законотворчества и кодификации просматриваются на содержательном и функциональном уровне. Кодификация удовлетворяет стремление к созданию целостного права и единству правового пространства государства. По Р. Кабрияку, для кодификации требуется сочетание социальной потребности в правовой определенности и сильной политической воли для ее осуществления [17, с. 114]. Российский опыт свидетельствует как о необходимости, так и недостаточности этих элементов.

Законодатель призван разрабатывать, изменять или отменять общеобязательные узаконения для регулирования отдельных случаев и потребностей конкретного времени. Их стремительное обновление порождает множественность, противоречивость и девальвацию нормативных предписаний. Судьи, управленцы и граждане постоянно сталкиваются с массой разрозненных и неясных узаконений, нередко сосредоточенных в различных ведомствах. Повышением уровня техники нормотворчества достигается упрощение, сокращение чрезмерной регламентации и девальвации нормативного материала.

Результат законотворчества может объединить разные юридические нормы в рамках одного нормативного акта, а кодификация обеспечивает единоначалие, целостность и непротиворечивость системы законодательства или ее отдельного элемента. Реализация этих целей требует особого персонального состава кодификаторов, применения специальных средств, методов и правил регламентации.

Масштабность целей кодификации обуславливает справедливость широкого подхода к ее определению. В отечественном правоведении такой позиции придерживался барон С.А. Корф, который подходил к кодификационной работе как к системе, включающей три элемента: хронологическое собирание законов, внешнюю систематизацию (разделение законов на группы), кодификацию «в тесном смысле», то есть обработку законов для придания им стройности и целостности. Все три способа С.А. Корф относил к технике кодификации, осуществлением которой должны заниматься специальные органы. Собирание и внешнюю систематизацию могут выполнять административные органы. Содержательная переработка законов требует в дальнейшем участия законодательных органов [18, с. 269].

В кратком, но ёмком и глубоком историко-правовом исследовании В.Г. Графского отмечается, что кодификация проводится «как путем распределения законов по свойствам предметов регулирования», так и «собираем всех законов в одну большую книгу с различными исправлениями и дополнениями в их содержании и изложении» [19, с. 14, 22]. Работа М.М. Сперанского над Сводом законов, по его мнению, вышла за рамки простого собирания законов и исполнения воли императора. Полагаем, что Свод законов Российской империи можно признать результатом кодификации-компиляции [20, с. 25–30]. Ее отличие от кодификации-реформы Р. Кабриак видит в технике упорядочения, а именно в собирании и приведении в определенную форму действующих узаконений.

Составление Свода законов Российской империи было осуществлено в соответствии с новой формой техники кодификации. Составлению Свода предшествовало издание Полного собрания законов Российской

империи — первого в российской истории хронологического сборника, формирующего определенное представление о состоянии законодательства за два столетия. В ходе его подготовки оттачивались приемы упорядочения узаконений: сначала определялись законодательные акты, которые следовало включать в реестры; затем по этим реестрам собирались тексты законов; далее проводилась тоекратная проверка собранных узаконений (списки сличались с подлинниками, проводилась предварительная и окончательная их ревизия специально отобранными для этого чиновниками) [15, т. 1, с. XXIII].

Ранее изданные печатные сборники законов охватывали не более двух-трех десятилетий, они были весьма дорогостоящими и обычно публиковались частными лицами. Цензурирование подобных изданий стало осуществляться лишь с 8 февраля 1821 г. Об их несоответствующем качестве свидетельствовала запись в журнале комиссии законов за 1825 г., когда при обращении купца Глазунова с просьбой опубликовать «Памятник из законов», содержащих узаконения до 1825 г., хранящиеся в архиве комиссии, при их сличении было выявлено множество огрехов: неполнота содержания, неверность текстов были типичными недостатками таких изданий.

Социальный запрос на обнародование законов был высок. Только за 1825 г. в журнале зафиксированы более десяти обращений в комиссию по составлению законов с просьбой разрешить опубликование сводов законов разных родов (по мануфактурной части, судоустройству, судопроизводству, о народном просвещении и др.). Из материалов законосовещательной комиссии следует, что тиражи таких сборников достигали нескольких тысяч экземпляров.

Несмотря на то что Свод законов формировался во многом эмпирическим путем, при его составлении разрабатывалась и применялась методика кодификации. Ее структура сходна с той, о которой пишет Р. Кабриак. Она включает следующие элементы: выбор метода, кодификаторов, структуры и содержания [17, с. 288]. Нормативные предписания приведены в Своде законов в единое целостное содержание, структурированное по заранее разработанному плану на восемь частей и оформленное по определенным правилам. В ходе работы комиссия выработала ряд оснований и правил кодификации.

Применение метода восполнения пробела в законодательстве путем рецепции сопровождалось требованием соответствия заимствованной нормы «разуму нашего законодательства» и разрешения только тех случаев, которые в отечественных узаконениях не определены. Так, предмет долговых обязательств составлялся по образцу Французского, Австрийского и Прусского уложений. Поиск юридического содержа-

ния нового состояния крестьян и институциональных форм управления ими осуществлялся на основе опыта Франции, Австрии, Пруссии и других германских государств.

Важным источником изучения техники составления Свода законов являются заметки, пояснительные записки М.М. Сперанского. Парадоксально, но работы самого опытного и известного кодификатора в истории России в полной мере не изучены, не систематизированы и не опубликованы, как, впрочем, недооценены и плоды его усилий. Так, в известном труде А.А. Маковского в число состоявшихся кодификаций гражданского права предлагалось включить даже проекты Гражданского уложения, однако том X Свода законов в «результативные» кодификации не включался [21, с. 6].

Особый интерес для изучения техники кодификации имеют работы М.М. Сперанского 1826–1838 гг., когда его теоретические представления о кодификации проходили практическую апробацию. Разочарование в естественно-правовой идее о возможности «изобретения» нового кодекса привело М.М. Сперанского к плану кодификационных работ, включающему три этапа: составление хронологического собрания законов; формирование систематически структурированного свода действующих законов (составление и ревизия свода законов); последующая разработка отраслевых уложений путем дополнения, исправления материалов соответствующих томов свода законов.

Систематическое упорядочение законов, по мысли М.М. Сперанского, имело два аспекта: общее систематизирование означало приведение целого разряда свода законов в единую систему; частное систематизирование представляло собой составление единого закона из нескольких законов одного разряда [22, с. 135]. Польза сводов законов, создаваемых их механическим начертанием по порядку предметов, М.М. Сперанскому виделась в удобстве пользования и отыскании их взаимосвязи. Свод при этом рассматривался в качестве подготовительного этапа к составлению уложений.

Уложения способствовали приведению действующих законов в единообразную систему, охраняя основополагающие начала российского законодательства и предлагая более точные юридические формулировки. Уложения подразделялись М.М. Сперанским на общие и частные с приоритетом общего уложения в силу того, что оно обеспечивало необходимую связь всех законов на единых началах и устраняло противоречия. Частные уложения имели более практическую пользу, но не могли заменить общие уложения. Предварительная работа над уложением включала три этапа: выбор системы; способ изложения (по терминологии М.М. Сперанского — образ); выявление пробелов действующих законов [22, с. 158, 159].

При выборе структуры Свода законов М.М. Сперанский исходил из того, что любое правовое государство зиждется на положительных законах, которые подразделяются на гражданские и уголовные. Сложное строение гражданских законов определялось множественностью лиц, которым принадлежали гражданские права. Единство уголовных законов базировалось на том, что уголовное право принадлежит государству. В общий состав положительных законов М.М. Сперанский включал следующие отрасли российского законодательства: законы управления, законы гражданские земские, законы гражданские общественные, законы гражданские государственных сословий, законы гражданские уголовные и законы уголовные.

Способ изложения узаконений в уложении, по мнению М.М. Сперанского, отличался от изложения их в законе. Ясность и точность формулировок выдвигались как необходимое требование к уложению. Ясность относилась к понятиям, точность — к словам и выражениям. Неточность языка законов М.М. Сперанский связывал с неопределенностью «искусственного языка в правоведении». Достаточно неоднозначным представлялся ему вопрос, актуальный и для современной России, связанный с использованием в российских законах иностранных слов. Анализ достоинств и недостатков как прямого заимствования европейской правовой терминологии, так и исключительного использования русского языка для составления уложения привел М.М. Сперанского к срединному выводу. Он предлагал закрепить в уложении юридические термины, широко употребляемые в судопроизводстве, не многозначные и не противоречащие коренному значению русских слов. Их смысл следовало закрепить правовыми определениями. Недостающие юридические категории предлагалось заимствовать из числа общепринятых терминов европейского правоведения, «прилагая их по смыслу» [22, с. 161, 162].

В отношении восполнения пробелов позиция М.М. Сперанского заключалась в недопустимости изменения уложением основных начал законодательства без постановления верховной самодержавной власти. Дополнения, включаемые в уложение, закреплялись сводом законов. Их расположение следовало привести в соответствие со структурой уложения [22, с. 162].

При проведении кодификационных работ М.М. Сперанский использовал ряд методов: исторический, сравнительно-правовой, методы рецепции, аналогии и обобщения. При отраслевом многообразии российского права, обусловленном разнородностью его природы, особое внимание законодателя уделялось его историческому происхождению, связанному с поиском источников. Законы без истории выдающийся кодификатор

считал невразумительными. Только «основанное на истории прав критическое суждение о различных временах, источниках и политических отношениях» может дать результат, хотя бы отчасти соответствующий важности кодификационной работы [23, д. 184, л. 7–8].

После высочайшего утверждения II Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии была назначена проверка Свода законов и дополнение его вновь издаваемыми узаконениями. Проверка осуществлялась составлением реестров хронологических и алфавитных, изданных при Полном собрании законов. Для наилучшего выполнения этой работы М.М. Сперанский запрашивал высочайшего позволения пользоваться судебными решениями, производившимися в Правительствующем Сенате. Он считал, что в судебных решениях высших инстанций смысл законов объясняется точно.

Составленные при делах выписки из законов дают возможность удостовериться в полноте или недостатках цитат, приведенных под статьями Свода. Наиболее полезными для проверки М.М. Сперанский считал записки, напечатанные в Правительствующем Сенате по делам, поступающим из его департаментов в Общие Собрания и получившим окончательное решение. Восходя по степеням Суда, записки подвергаются строжайшему рассмотрению, и составленные при них выписки из законов достигают надлежащей полноты и правильности.

М.М. Сперанский переформатировал действующее право, изменил его структуру, исключил отдельные статьи из кодифицируемых узаконений, добавил новые нормы и установления в Свод законов — например, циркулярные предписания министров, законами не являвшиеся. На основе изучения архивных материалов Г.Э. Блосфельд пришел к выводу о том, что работа над Сводом «не была простым воспроизведением источников, а являлась... истолкованием существующего права» [7, с. 3].

Широкое использование в работе компилятивного метода для воспроизводства прежнего правопорядка обрекало Свод законов на критику современников. Важно, что М.М. Сперанский не только осознавал недостатки Свода, но и постарался минимизировать их последствия в юридической практике. Он отбросил идею создания нового закона, обрастающего последующими узаконениями. Как подметил Н.М. Коркунов, «Свод был задуман и составлен не как законченный сборник, а как текущее собрание законов в их постепенном развитии» [6, с. 5]. С этой целью Свод был определен главным, но не исключительным законом, допускающим в определенных случаях применение не внесенных в него узаконений и прежних форм включенных законов. Тем самым М.М. Сперанский открыл путь к усовершенствованию российского законодательства.

Конструктивность критики Свода законов очевидна настолько,

насколько и понимание того, что без него осуществление кодификации-реформы в области судостроительства, гражданского и уголовного процесса, уголовного права и других отраслей права затягивалось на неопределенный срок. Вне исторической связи с состоянием прежнего законодательства причины изъятий свода законов неясны. Ни в одном из архивов, в том числе в архиве Правительствующего Сената, из которых комиссия брала копии узаконений, не велись даже их реестры.

Проведению кодификации-реформы во второй четверти XIX в. препятствовал ряд факторов: ограниченные сроки проведения (Свод законов был составлен, обсужден и введен в действие за шесть лет); состояние, доступность и объем неупорядоченного нормативного материала; отсутствие подготовленных юридических кадров, несовершенство институциональной структуры судов и органов юстиции; низкий уровень образования и правовой культуры населения; неготовность государственной власти проводить масштабные правовые реформы.

Свод законов стал своего рода отражением системы законодательства и состояния политико-правовой мысли Российской империи. В нем нет стремления создать иллюзию гармонии российского права и оторванности от собственных корней. Исторической памятью пронизана каждая статья свода законов, делая его сокровищницей российского юридического наследия, а отбор норм кодификаторами отчасти освободил законодательство от несовершенства. По точному замечанию Р. Кабриака, «избирательность человеческой памяти служит надежным инструментом» преодоления несовершенств правовой системы, а также, по нашему мнению, ротации нормативного материала [17, с. 224].

Свод законов был предназначен для жизни. Национальное право приобрело форму, но не утратило содержательного своеобразия и связи с многовековой практикой. В Собрании и своде законов сознательно сохранялись распоряжения, по существу частные, но важные по историческому достоинству в качестве отражавших нравы и особенности гражданской жизни того времени. Такие юридические и технические нормы были отделены от законов специальными оговорками.

Практикоориентированность свода законов прослеживается и в сохранении значительного количества казуистических норм, позволявших решать конкретные случаи. В производстве встречались дела, разрешаемые не по действующим, а по утратившим силу и действие законам, и сохранение связи свода с прежними законами не затрудняло их рассмотрение. Законным порядком устанавливались правила приложения и употребления статей к производству дел [23, № 7654], порядок дополнения, изъяснения и продолжения свода, восполнения в нем пропусков и неточностей.

По мнению Г.С. Фельдштейна, Свод законов стал первым опытом догматической переработки отечественного уголовного законодательства [24, с. 562]. Значимость этого вывода высока, поскольку он исходит от критика, считавшего, что Свод законов монополизировал российское право [24, с. 558]. Этот вывод можно экстраполировать и на другие отрасли российского права. Выбор структуры, методов и порядка кодификационных работ осуществлялся не только эмпирическим, но и абстрактно-логическим способом с опорой на новейшие политико-правовые идеи.

XXI век ставит новые задачи и предоставляет дополнительные возможности кодификаторам. Динамика изменений в информационном обществе масштабирует и обостряет проблемы, порождаемые правовой неопределенностью. В создавшихся условиях возникает дилемма: проводить непрерывную кодификацию законодательства или, как и прежде, дожидаться очередного кризиса источников права и проводить кодификацию-реформу.

Изучение исторических форм российской кодификации проясняет и дает ответы на эти и другие актуальные вопросы. Ясно, что существует устойчивая взаимосвязь между нормотворческой активностью государства и потребностью в кодификации. Сама кодификация остается наиболее эффективным способом рационализации права, обеспечивая целостность и «оживление» системы законодательства. Возможность сочетания приемов компиляции и реформы, эмпирики и догматики, множественность форм кодифицированных актов и их адаптивность к историческим условиям, разнообразие юридико-технических средств и богатый исторический опыт проведения делают кодификацию надежным инструментом целенаправленного совершенствования правовой системы.

В соответствии с зарубежным и отечественным опытом наиболее успешные кодификации правовых систем проведены на основе научных изысканий. Кроме М.М. Сперанского, кодификационной работой в процессе создания Уголовного уложения 1903 г. занимался Н.С. Таганцев. Очевидно, что политической волей дело кодификации должно быть передано экспертному научному юридическому сообществу. Выбор кодификаторов из числа лучших представителей отечественной юриспруденции активизирует творческий потенциал ученых на решение практических задач по обеспечению единства правового пространства России, качественно улучшит систематическое построение российского законодательства, а и, соответственно, практику его применения.

Библиографический список

1. URL: <https://pravo-search.minjust.ru/big5/portal.html>
2. Шершеневич Г.Ф. Избранное: в 6 т. М., 2016. Т. 4.

3. URL: www.pravo.gov.ru, 04.02.2019. № 0001201902040007.
4. Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации: постановление Правительства РФ от 13 авг. 1997 г. № 1009 (в ред. от 14 февр. 2023 г.) // СЗ РФ. 1997. № 33. Ст. 3895.
5. *Чащин А.Н.* Кодификация в сфере российского законодательства: теория, история и перспективы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
6. *Коркунов Н.М.* Значение Свода законов. СПб., 1894.
7. *Блосфельдт Г.Э.* «Законная сила» Свода законов в свете архивных данных / под ред. и предисл. В.А. Томсинова. М., 2006.
8. *Васьковский Е.В.* Цивилистическая методология. Ч. 1: Учение о толковании и применении гражданских законов. Одесса, 1901.
9. *Баранов В.М., Демичев А.А.* Правовая природа Свода законов Российской империи в свете истории и теории систематизации нормативных актов // Систематизация законодательства в России (историко-правовые, теоретико-методологические и технико-юридические проблемы). К 175-летию Свода законов Российской империи: материалы Международного круглого стола / Институт государства и права РАН (Москва, 18–19 янв. 2008 г.) / под ред. В.М. Баранова, В.Г. Графского, С.В. Кодана. Н. Новгород, 2008.
10. *Тарановский Ф.В.* Учебник энциклопедии права. Юрьев, 1917.
11. *Керимов Д.А.* Кодификация и законодательная техника. М., 1962.
12. *Нефедьев Е.А.* Причины и цель издания полного собрания и Свода законов с точки зрения Сперанского (сообщение на заседании Казанского юридического общества, 11 февр. 1889 г.). Казань, 1889.
13. *Трубецкой Е.Н.* Лекции по энциклопедии права. М., 1917.
14. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1895. Т. XVA (30).
15. Полное собрание законов Российской империи. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html
16. Юридическая техника: учебник / под ред. В.М. Баранова. М., 2022.
17. *Кабрияк Р.* Кодификации / пер. с франц. Л.В. Головки. М., 2007.
18. *Корф С.А.* Русское государственное право. М., 1915. Ч. 1.
19. *Графский В.Г.* Систематизация законодательства в европейской и российской традиции // Систематизация законодательства в России (историко-правовые, теоретико-методологические и технико-юридические проблемы). К 175-летию Свода законов Российской империи: материалы Международного круглого стола / Институт государства и права РАН (Москва, 18–19 янв. 2008 г.) / под ред. В.М. Баранова, В.Г. Графского, С.В. Кодана. Н. Новгород, 2008.
20. *Шатковская Т.В.* Техника кодификации М.М. Сперанского: реформа или компиляция? // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 5. С. 19–30.
21. *Маковский А.Л.* О кодификации гражданского права (1922–2006). М., 2010.
22. *Сперанский М.М.* «Право есть власть, основанная на правде»: неопубликованные юридические труды / сост. и ред. К.П. Краковский. М., 2023.
23. Российский государственный исторический архив. Фонд 1251. Бумаги М.М. Сперанского. URL: <https://fgurgia.ru/>
24. *Фельдштейн Г.С.* Главные течения в истории науки уголовного права в России. Ярославль, 1909.